

Протоиерей Александр Авдюгин

ЧЕТЫРЕ РАССКАЗА

ИСТОПНИК

Уголь привезли ближе к вечеру, как раз тогда, когда настоятель домой пошёл. Пообедать. С утра батюшка ожидал машину, даже ворота приходские не закрывал. На каждый гул автомобильный из храма выбегал, высматривал, не везут ли.

Да и как не высматривать, если уже снег вместе с дождём срывается? В храме прохладно, особенно в будние дни, когда лишь молебны с панихидами. Да и крестить младенцев никак не возможно, школу воскресную хоть закрывай, просфоры приходится дома у старосты печь, обед для помощников приходских не приготовишь. Беда, в общем.

Еще и Кузьминична достаёт ежедневно, бурчит, что раньше думать надобно было настоятелю, а не когда небо прохудилось от холода и ненастья.

Кузьминична это негласный староста, её так между собой и величают – старостиха. Она вместе с котом, его Кузьмич зовут, рядом с церковью живёт и раньше всех в храм приходит. Как только на приходском дворе Кузьмич появляется, то обязательно вслед за ним и Кузьминична собственной персоной материализуется; в своём стандартном сером в горошек платье, времён хрущёвской оттепели, чистом светлом переднике и в зелёном платочке. Приход старосты сопровождается не только котом в авангарде, но и её добрым бурчанием, которое тут же прекращается при появлении настоятеля.

Первые слова Кузьминичны, обращённые к священнику, всегда имеют только одно сочетание:

– Благословите! Отец настоятель, надо бы... – дальше идёт перечень, того, что, по её мнению, надо немедленно сделать, иначе конец света начнётся именно в этом приходе.

Храм, куда привезли столь долгожданное топливо, в бывшем здании шахтёрской столовой располагается. После закрытия

шахты, место питания горняков тоже стало не надобно, и его бы и растащили по кирпичику, если бы не местный благочинный. Он «по начальству» пошёл, аргументами о недопустимости появления в брошенной столовой нового рассадника антисанитарии и роста криминогенной обстановки данного района, их убедил. Здание православным власти отдали, хотя с сомнением к этой передаче собственности отнеслись. Зря сомневались. В бывшей шахтёрской трапезной тут же появился сторож, бородатые мужики-рабочие и женщины в платочках. Вскоре, в помещении, там, где раздаточная была – алтарь расположился, а вместо обеденных столов и стульев сам храм с положенным амвоном и притвором определился. Когда же священника к новому приходу приписали, то на крыше купола появились и колокольня пристроилась. Теперь уже местная детвора и не знает, что тут когда-то горняцкий общепит находился. Одно лишь из «того» времени осталось – дома жителей района данного.

Именно из одного рядом соседствующего с церковью частного дома и раздался звонок священнику, когда он запоздалый обед вкушал. Сообщили батюшке, что уголь привезли, и его надобно в приходской сарай-угольник перенести, иначе к утру количество чёрного золота может значительно сократиться. Зима на носу, и печки в соседних домах тоже топить надо, а тут уголь бесхозный.

Расстроился отец настоятель. Себя ругал все десять минут, пока к храму шёл.

– Дался тебе этот обед! Подождал бы ещё немного и лежал бы уголь внутри двора церковного, а не снаружи.

На полпути священника встретил пёс Кузьмич, который, с серьезной мордой, также направлялся к церкви, что немного успокоило настоятеля. За собакой должна быть и Кузьминична, значит организовать переноску угля будет легче.

Кузьминична действительно вскоре объявилась с охами и ахами, и энергичным рукобиением себя по бокам:

– Божечки, да что же это за искушение такое! То ждёшь неделями, не дождёшься, а тут на ночь глядя, да в дождь такой привезли, ироды.

Строгий священнический взгляд остановил обильное словоизлияние старосты, а последовавшее приказание настоятеля идти собирать помощников-прихожан превратили Кузьминичну из суетливой старушки в ипостась пожилой, целенаправленной

деловой женщины, могущей совершать даже то, что совершить невозможно.

Как известно, самое лёгкое в жизни это критиковать и приказывать. Именно эту аксиому и вспомнил батюшка, тоскливо разглядывая шеститонную грудку угля. Причем уголь сей был не заказанным сортом «большой орех», а в виде больших каменных плит, которые горели прекрасно и тепла отдавали много, лишь после того, как их размельчат.

Вздыхай не вздыхай, но ждать помощников, за которыми отправилась Кузьминична вкупе с Кузьмичем, было не в характере настоятельском. Священник отправился в караулку, так называли небольшой домик, где ночью, как всегда, спал сторож и где хранились хозяйственная одежда и прочие необходимые инструменты.

Надел батюшка поверх одежды своей шахтёрскую спецовку, длани собственные покрыл рукавицами трёхпальными, взял клевак (это молоток такой горняцкий) и скамейку, устроился у кучи золота чёрного и приступил к раздроблению привезённого тепла.

Мелкий дождь, по всей видимости, зарядил надолго, священнику пришлось даже воротник спецовки поднять, чтобы за шиворот не затекало, а на голову водрузить скуфейку древнюю, больше на шапочку похожую.

Со стороны несведущих граждан, в церковь не ходящих и не рядом с храмом живущих, предстала картина отнюдь не пасторального вида: под морозящим дождём и пронизывающим осенним ветром, на убогой скамеечке, сидел, с чёрным от пыли лицом, человек и яростно колотил большим молотком по угольным плитам.

Помощники пока не появились, зато из-за угла, по всей видимости, из недалёкого пивного бара показался гражданин в длинном раритетном армейском плаще, в фуражке-блине на голове, кирзовых сапогах и лицом недельной небритости. В губах гражданина блуждала из угла в угол незажжённая сигарета.

Мужчина несколько минут постоял на сопряжении двух улиц, видимо, решая, в которую сторону податься. Одинокая фигура угольного «каменотёса» победила в его выборе.

Подошёл к трудящемуся священнику. Затянулся сигаретным дымом и, отправив никотиновый источник в противоположную сторону рта, громко спросил:

– Истопник?

Батюшка вздрогнул, неожиданно услышав сзади вопрос, оглянулся на незнакомца и тут же почему-то согласился:

– Да.

– У попа работаешь?

– У него.

Сигарета у нежданного вопрошающего гостя переместилась в другой угол рта.

– Платит нормально?

Священник задумался на несколько секунд и неуверенно ответил:

– Когда как.

Далее последовал длительный монолог.

– Друг у меня есть, так он у попа целое лето отпахал, церкву строил. И кирпичи, и раствор, и куда пошлют, всё делал. Жил у него, у попа этого, кормился тоже при церкви. Так тот ему тоже по-разному платил. То заплатит сколько нужно, то карячится, что денег мало. Пришлось мне пойти, побеседовать.

– И как, всё заплатил? – с интересом взглянув на собеседника, спросил священник.

– Так, а как же, я же поговорил. Предупредил, что, если не отдашь, со мной дело иметь будешь.

И гость, выплюнув оставшийся сигаретный бычок, уверенно добавил:

– Ты, ежели чего, ко мне обращайся. К пивной подойдёшь и спроси Толика Шоху, меня там каждый знает, подскажут. Только ты, это, человеком будь, а не так как мой друг, ему деньги отдали, а он у этого попа остался.

– Как остался? – не понял батюшка.

– Да как, – поёжившись от затекающего за воротник дождя, ответил собеседник, – поп ему все мозги набекрень свернул. Был человек человеком. Получит в субботу деньги, мы с ним и пивка и бутылочку приговорим, а теперь гундит, что нельзя. Мол, вечером на службе надо быть и утром в воскресенье свои псалмы слушает в церкви. Пропал человек.

Священник, разбивая клеваком очередную угольную плиту, лишь хмыкнул, не находя способа, как дальше развивать столь глубокую интеллектуально важную беседу. Слава Богу из перелюбка показался Кузьмич, а за ним отделение мужиков-прихожан с углебойным инструментом во главе с Кузьминичной.

Гость, с очередной незажжённой сигаретой, висевшей на нижней губе, удивлённо взирал на берущих у священника

благословение мужиков и на энергичного организатора старосту в юбке. Всё его обличье вкупе с кирзовыми сапогами и армейским плащом выражало неподдельное удивление.

Затем взгляд гостя переместился на священника и последовал медленный с придыханием вопрос-утверждение:

– Так ты не истопник, а... поп?!

– Поп, – с улыбкой ответил батюшка.

Гость, входя в новую жизненную реальность, задал последний вопрос:

– Так чего же сразу не сказал?

И, не дождавшись ответа, пошёл в обратную сторону, бормоча уже сам себе:

– Сдурели все. Поп истопник. Дожился...

В его губах так и перемещалась из угла в угол незажжённая сигарета.

УКЛЕЙКА

У каждого есть увлечения или увлечение. Хотя бы одно. Священники не исключение. В светских и сугубо мирских кругах эту увлечённость называют – хобби, но в наших, церковных реалиях, не принято это слово использовать. Ведь хобби это не только любимое дело, которым на досуге занимаются, но ещё и страстие, а со «страстями» мы, по умолчанию, должны бороться и всячески их избегать.

У моего давнего друга-священника, отца Петра, также в наличии увлечение, которое он преодолевать не желает, так как пребывает в абсолютной уверенности, что оно вполне евангельское, благословлённое, нужное и полезное. Да и как иначе, если он рыбак заядлый, а первые апостолы практически все именно рыбаками были?

Аргументы матушки, некоторых прихожан и соседних священников вкупе с благочинным о том, что в его сане ловить надобно лишь души человеческие, а не рыбу в прудах и речках, отец Пётр воспринимает без раздражения и обид. Он лишь благосклонно, добродушно и с любовью объясняет, что Господь рыбу именно для постных дней, а их, как известно, в году больше, чем скоромных, сотворил, и ему как священнику сподручней есть ту, которую сам поймал, а не из банок жестяных и с прилавков рыночных.

Поняв, что аргументация у отца Петра непробиваема, а рыбалка в то нечастое свободное время, что бывает у священника, есть залог не только духовного, но и физического здоровья, от батюшки с упрёками постепенно отстали, а некоторые даже интересоваться стали, каковы итоги его очередной рыболовецкой путины.

С несведущими отец Пётр по этому поводу краток и конкретен. Тем, кто реально заинтересован, всё подробно расскажет, покажет и посоветует, ну а тем, кто его увлечение полноценно поддерживает, всё в красках с подробностями опишет, нюансы разъяснит, и с очередной рыбалки фото в Телеграмм или, на худой конец, в Вайбере пришлёт.

Как известно, на приходах вокруг каждого священника всегда группа «верных» образуется, в хорошем и добром понимании данного объединения. Это не те, кто, раскрыв рот, внемлют каждому слову священника и возносят его «до степеней известных», а вполне обычные люди. Они родственную душу в батюшке находят, с кем им интересно и полезно. Таковы и у отца Петра были. Среди них как-то само собой и приверженцы ловли рыбной объявились, конкретно сплотились, самоопределились и сгруппировались. Настоятель прихода, где всё данное действие происходит, изначально немного встревожился, боясь внутреннего церковного сепаратизма, но, видя вдохновлённые и сугубо воцерковлённые лица приверженцев апостольской профессии, а также уху и жареных карасей в приходской столовой, успокоился и даже подарил отцу Петру дорогую удочку.

Рыбацкое приходское объединение, избегая формалистики, устава не сочиняло, в фискальных органах не регистрировалось, а лишь, испросив благословения, купила вкладчину старенькую синюю «копейку», которая до ближайших водоёмов добраться могла, топлива тратила немного и не ломалась никогда, так как в ней уже давно всё было поломано. Очень скоро данное средство передвижения советского автопрома получило своё собственное имя. Ведь нельзя же выдвигаться к промыслу рыбному на колёсном механизме, потерявшем свою изначальную идентичность! Машину назвали просто – Уклейка. Почему Уклейка? Так на наших водоёмах (по-местному, «ставками» именуемыми), этой рыбки более всего обретается. Небольшая рыбёшка, но для любого рыбного блюда пригодная. Липкая, вкусная представительница семейства карповых, хотя на вид неказистая. Когда же её подсушишь, точь-в-точь на латки

многочисленные, что, на колёсах приходского транспортного средства наклеплены, похожа.

Очередной выезд на рыбалку отец Пётр после Успения наметил. Вместе с собой и водителем Уклейки, который, кроме шофёрских обязанностей, является приходским алтарником, а также в свободное от послушания и рыбалки время преподаёт информационную технологию в местном университете, было решено в сугубо миссионерских, воспитательных и просветительских целях взять с собой двух прихожан. Один из них – Александр, второй – Геннадий. Причем первый из избранных практически ничего не видит, а второй на коляске передвигается, так как с детства к ней прикован, да и удочку в руках не удержит, по причине все той же врождённой инвалидности. Но у Геннадия есть особенность, который у Александра отсутствует: он видит зорко, объёмно и чётко. В итоге сформировался тандем, друг друга дополняющий. Несмотря на данные отклонения от обычности и первый, и второй несомненные и обязательные прихожане без которых не только службы, но и прочие приходские мероприятия не обходятся.

Загруженная по самые скрипящие рессоры Уклейка, ведомая Степан Фёдоровичем, именно так величают водителя, алтарника и знатока информационных технологий в одном лице, выдвинулась ранним утром от приходских врат к не столь далёкой водной рыбной среде.

Как пишут школьники и студенты в сочинениях, описывающих утренние реалии: солнце освещало верхушки деревьев, раздавалась трели птиц, город пробуждался от недолгой летней ночи.

На утреннюю зорьку рыболовная ватага не успела, но это сильно её не расстроило, так как после военного донбасского 14-го года рыба в наших прудах и озёрах понятие времени утратила и ловится практически в любое время суток.

Место, где, по уверениям отца Петра, клёв должен быть неукоснительный и многократный, располагалось в стороне от просёлочных дорог и тропинок, в небольшом ерике, вклинившемся в каменный разлом высокого оврага. Ставок (пруд), заросший по берегам камышом и прочей прибрежной растительностью, как бы указывал промышляющим, что именно здесь, в этой тихой затоке, рыба обязательно должна быть.

Расположилась братия во главе с пастырем недалеко друг от друга. У отца Петра две удочки с четырьмя крючками,

у алтарника, водителя и лектора, естественно, одна удочка с двумя крючками, у Александра с Геннадием – также одна с червяком на одном крючке нанизанном. А как иначе? Александр удилице держит, а Геннадий за поплавком смотрит и командует, когда тянуть, а когда подсекать.

Перед началом действия по извлечению ничего не понимающей и не подозревающей рыбы из среды её обитания осенил отец Пётр водную гладь пруда с произнесением не только положенного «Господи, благослови!», но и с прибавлением житейским: ловись рыбка большая и маленькая.

Степан Фёдорович укоризненно посмотрел в сторону священника, достал из кармана смартфон и прочёл предусмотрительно скачанную из православного интернета молитву о успехе в рыбной ловле.

Александр же с Геннадием только лишь перекрестились и, усердно поплевав на червяка, отправили снасть в воду озёрную.

Ожидание длилось недолго.

– Подсекай! Вправо! – раздался возглас Геннадия.

Александр умело и резко повёл удилице.

– Тяни!

Мелькнуло в воздухе серебро настоящего карася с ладонь величиной. Через несколько секунд он уже трепыхался на прибрежной траве.

– Во дают! – промолвил Степан Фёдорович.

– Слава Тебе, Господи! – помолился батюшка.

Через полчаса возгласы от священника и водителя Уклейки стали звучать иначе. Да и как им не измениться, если со стороны приходского тандема то и дело раздавалось: «Тяни! Подсекай! Попусти! Червяка давай!», а поплавки зачинателей рыбалки пребывали в тишине и гладком спокойствии?

Постепенно расстояние между священником, Степаном Фёдоровичем и Александром с Геннадием сократилось, и скоро их поплавки оказались рядом.

Тщетно!

Клёв был только у приходского содружества, в инвалидном чине пребывающем. И когда их поплавок закрутила юлой, а затем потянула далеко в глубину полуметровая щука, оказавшаяся скоро в содружестве выловленных карасей и краснопёрок, не выдержал Степан Фёдорович. Он вытащил снасть с дуэтом промокших и невостребованных червей, горько на них посмотрел, хмыкнул с грустью и непониманием и пошёл к Уклейке.

– Ты куда? – спросил отец Пётр.

– Колёса подкачаю, – буркнул Степан Федорович.

Батюшка был терпеливей, не уходил, хотя ничего понять не мог. Да и как понять, если четыре наживки на дорогих и современных удилищах, с профессиональными поплавками и выверенными грузилами рыба внимания не обращала, а устроила рыбную трапезу на соседнем обыкновенном крючке на толстую леску привязанном.

Терпение священническое, которое, как мы знаем сопряжено со смирением, было вознаграждено. Качнулся один из поплавков отца Петра, а потом и вовсе под воду ушёл. Встрепенулся священник, радостью засветился, даже воскликнул:

– Щука!

Ловко подсёк, подтянул и выудил!

На солнце сверкнула... маленькая уклейка.

* * *

Объезжая колдобины и ямы, неторопливо добиралась приходская Уклейка к родному храму. Сзади весело обсуждали перипетии рыбалки Александр с Геннадием, а впереди отец Пётр рассуждал с Степан Фёдоровичем о бренности человеческого жития.

МЫ НЕ МОГЛИ НЕ ВСТРЕТИТЬСЯ

Вечером мы собирались «на лавочке». Место это такое у дома Коли Малиновского. Дом старый, войну переживший и от шумной улицы высоким каменным собором огороженный и кустами сирени прикрытый. Там стол стоял с двумя лавочками, местными доминошниками сооружённый. К вечеру любители забить «козла» пенсионного возраста отдыхать расходились, уступая место молодому поколению «портянки». Портянкой наш район назывался по причине его расположения вдоль не утихающей ни днем, ни ночью улицы Портовой.

Иногда и мы домино баловались, но больше всё же разговоры разговаривали, да по «Спидоле» или только что появившимся «Вэфф»-ам, как Высоцкий пел, «контру ФРГ» слушали. Западные станции нещадно глушились, поэтому местные умельцы перестраивали нам коротковолновые диапазоны на частоты, где «глушилки» часто не работали.

Сама политика, как таковая, нас интересовала постольку-поскольку, а вот музыкальные программы Севы Новгородского из Би-Би-Си да рок-обзоры «Голоса Америки» были нашими. Мы их даже всеми возможными способами на ленточные магнитофоны записывали.

Сева Новгородцев из Лондона в 23.30 по субботам всегда в эфире вещал и музыкальные новинки рассказывал, а в полночь после новостей, какой-то священник о Боге говорил, что было, конечно, любопытно, но не столь интересно. Наверное, так бы и приглушали мы звук после Севиной передачи, но как-то он всю программу рок-опере «Иисус Христос Супер Звезда» посвятил и так вдохновенно сюжет пересказывал, что стало ясно – в головах наших полное отсутствие знаний библейских. Обидное открытие и досадное.

Нет, о религии нам в школе, конечно, рассказывали, естественно, как о пережитке и полной ненужности, но то, что Христос может стать героем в рок-опере, было непонятным, а так как Сева пользовался безусловной репутацией, решили мы лондонского попа слушать, авось просветит...

После двух-трёх передач чётко определилось: надо бы почитать Библию и Евангелие. О том, что это одна книга, мы ещё не предполагали, как, впрочем, и не знали, что найти, в начале 70-х, в Ростове Библию не так просто.

На книжной толкучке в парке, у областного драмтеатра, где не только менялись книжками, но можно было «из-под полы» приобрести практически всё, что издавалось и в СССР, и «за бугром», на наш вопрос: «Где приобрести Библию?» нас откомандировали к завсегда-таю ростовского книжного бомонда, сухонькому старичку со странным именем Порфирий.

Порфирий благосклонно выслушал, внимательно на нас посмотрел и изрёк:

– Царская – пятьсот, современная – триста пятьдесят.

По тем временам подобные цифры стоимости книги ко-го-удно могли ввести в ступор, а для нас они вообще казались фантастическими. Да и как не казаться, если месячная зарплата у тех из нас, кто работал, не превышала 120–140 рублей, а кто в ранге студенческом пребывал, стипендии разве что на пирожок с компотом и проезд до институту хватало?

Решили в церковь пойти.

В ростовском соборе было малоллюдно, прохладно и тускло. Служба уже окончилась. У тёмных икон горели свечи.

Незаметные бабушки мыли каменные плиты пола. Слева, у длинного стола с продуктами, стоял священник с каким-то парнишкой, в тёмном до пят облачении. Священник бесконечно читал имена с маленьких книжечек, а его помощник складывал их в длинные ячейки странных ящичков, похожих на перевернутые полки.

Подойти к священнику постеснялись, да и занят он, поэтому обратились к женщине, продающей свечи и крестики.

Она, как и Порфирий на книжном рынке, внимательно выслушала и пристально нас рассмотрев, ответила:

– Ребята, Библий мы не продаем. У бабушек своих поспрашивайте...

Бабушки имели всё. Иконы в их домах и квартирах были, а вот Библия... Уж нам то, внукам, и не знать, чего у бабушки есть и чего нету?

Хотя, когда подумали и перебрали родственников, всё же решили Библию по селам и станицам поискать. Может, и сохранилась у кого.

Через неделю Витька Рыбак принёс на экспертизу толстую книжку с крестом, написанную непонятным языком, как выяснилось позже на церковно-славянском. Фолиант именовался странным названием «Трїѡдъ Постная». Общими усилиями разобрались, что перевернутая английская «дубль вз» означает «О», но понять, чего такое – «триодъ», не смогли. Помог «Словарь атеиста», где популярно разъяснялось, что это богослужбная книга, которую поют и читают на службах во время великого поста, а также говорилось, что во времена этих постов тысячи наших предков изнывали от голода и болезней. Ещё в словаре было написано, что Триодъ эта по библейским текстам составлена, но что толку расшифровывать отрывки на непонятном языке, не зная их смысла?

Дома, на вопрос к родителям, где Библию почитать – странный взгляд без комментариев и пожатие плечами.

Странно. Солженицына вместе с Войновичем и Аксёновым, да и прочими писателями-диссидентами, за которых из института выгоняли и на пять лет на БАМ высылали, найти для нас проблемы не было, а вот Библия оказалась книгой недоступной.

Приближались майские праздники, три дня выходных. Все вместе, а нас пятеро друзей было, отвергались всеми правдами и неправдами от первомайской демонстрации и несения знамён с лозунгами, и отправились, по весеннему широкому

после весеннего половодья Дону, в дальнее село, в устье реки на острове расположенное. Мы туда всегда на рыбалку ездили. Отцы наши, на это дело, всегда положительно смотрели, и лодку моторную выпросить у них проблем не составляло. Там, за селом, в донских ериках и заводях можно было не только хорошей рыбы наловить, но еще и аборигенами себя почувствовать. Вокруг – только камыши да ивы с лозняком на островах. Днём птиц разноголосье, а вечером тишина первозданная. Даже лягушки замолкают. Если бы не комары донимающие – чистый рай. Мы так и называли свой островок – Рай. Наверное, у каждого из нас есть такое место, где, кроме тебя самого и друзей самых близких, никого видеть не хочется. Таким для нас этот Рай был.

В селе докупили продуктов. Дров у знакомого рыбака за поллитра выменяли. Майские ночи на Дону ещё прохладные, хворостом не обогреешься. Долили в лодочный мотор бензина и в Рай...

Ещё на подходе к острову почувствовали запах дыма, а затем и два удилица увидели. Они над камышами торчали, как признак того, что наша робинзонада приказала долго жить.

И точно. На любимом островке, которому от силы сто метров в длину да тридцать в ширину, в заливчике, куда так любили на утренней зорьки донские чебаки заходить, сидел пожилой мужик с небольшой окладистой бородой и читал толстую книгу. Увидев нас, он приветственно помахал рукой, мол, подходите, места хватит. Наши кислые лица, видно, ничего ему не говорили, хотя мы даже и не поздоровались. Да и как здороваться с оккупантом?

Дело шло к вечеру, искать иной остров уже было некогда. Да и где его в этих зарослях найдёшь?

Выгрузились. Палатку установили. Стали снасти разбирать, да костёрок разжигать. Коля Малиновский, как самый главный и ответственный, всё же решил к оккупанту подойти. Ведь, как не злись, ночевать вместе придётся.

– Дед, клюёт рыбка-то? – вместо «здрасьте» спросил Николай.

– Да Бог весть, сынок, может, и клюёт, – ответил дед и продолжил: – Я вот поймал три штуки, мне хватит на ужин.

И точно, мы сразу обратили внимание, что старик всё это время на поплавки не смотрел. Уткнулся в свою книгу и головы не поднимает.

– Что, книжка интересная? – решил до конца разобраться Николай.

– Интересная, – односложно ответил старик, а затем взглянул на нас добрым, располагающим доверием взглядом, добавил:

– Про вас, сынки, книжка написана. Про апостолов.

Разговор получался насколько странным, настолько и интересным. Мы все к старику подошли.

– Это почему же про нас, дед? – не вытерпел Витька Рыбак.

– И чего это мы апостолы? – спросил я.

Дед усмехнулся, ещё раз осмотрел нас добрыми глазами и ответил:

– Так апостолы рыбаками были. И тоже сетью рыбу ловили. Вечером в море уходили, к утру с уловом были. Про это в книжке прописано. – указал дед на толстый фолиант в зелёной обложке.

– Какой ещё книжке? – не унимался Витька.

– Да в Библии, – просто ответил дед.

У Коли Малиновского, кроме «ух ты», повседневно ироничные еврейские глаза стали среднерусскими, а у нас остальных физиономии выражали такое удивление, что наш собеседник рассмеялся. Смех у него был странным. Располагающий такой смех. После него ещё поговорить хочется.

Рассказали мы нашему нежданному собеседнику, перешедшему из ипостаси «оккупанта» в ранг интереснейшего собеседника, как мы долго в Ростове Библию искали, как её почитать хотели.

– Почитать мало, апостолы вы мои, – ответил старик, – ею бы жить надо.

– Это как? – не понял я.

– Долгий разговор, сынки. А мне собираться надобно, пока совсем не стемнело.

Старик вытащил из воды кукан с тремя небольшими сазанчиками, смотал удочки и потянул за веревку, которую мы в траве и не заметили. Из прибрежного камыша выскользнула небольшая лодка. Погрузив свой улов и снасти, старик обернулся к нам и просто сказал.

– Возьмите, сынки, книжку. Она вам сейчас нужна, а мне, как кажется, уже без надобности.

Мы, ничего не понимая, молча провожали старика. Только спросили у него, где он живет-то, чтобы Библию после отдыха нашего завезти.

– Да тут, рядышком, – ответил старик и назвал село, куда мы заходили за продуктами.

Все три дня, мы по очереди, вслух читали Библию. Нет, рыбу тоже ловили и по утрам друг друга будили словами «Вставай, апостол», но все же главной была Книга.

Возвращались через три дня. У сельского причала женщины бельё полоскали. Спросили у них, где тут дед живет с бородкой, добрый такой?

Женщины удивлённо на нас посмотрели, а одна из них заплакала.

– Нету уже деда вашего, ребята, в обед похоронили...

* * *

Много лет прошло, но слова этого деда «Возьмите, сынки, книжку. Она вам сейчас нужна, а мне, как кажется, уже без надобности» – я помню.

А вот, как звали его, мы так и не спросили...

КОЗЛИНАЯ ИСТОРИЯ

От Кузьминок до шахты 2-бис автобус редко ходит. Два раза в день. Да и кого возить? Кузьминки почти вымерли, а шахта после очередных экспериментов с реформированием угольной промышленности на честном слове держится.

Известно, что, чем беднее сельский народ живёт, тем больше в его хозяйстве коз обретается. Животное нетребовательное, можно сказать, даже маловредное по причине своей неприхотливости и полного отсутствия претензий на комфортное жилищное обеспечение. Оно везде жить может. Есть, правда, два негатива: лезет вечно туда, куда не надо, да воняет изрядно. Но пользы от коз всё же несравнимо больше, чем вреда.

К козам, естественно, козёл нужен. Иначе стадо не увеличишь. Поэтому хороший козёл всегда в цене и постоянно востребован. Такой у бабы Анны в Кузьминках был. Обычно его сами «на дело» забирали, но нынче попросили привезти из-за неимения транспортного средства и дороговизны бензина. Именно поэтому и стояла баба Анна с козлом на поводке

на автобусной остановке, ожидая с немногочисленными попутчиками положенного рейса.

Водитель автобуса, увидев бабу с бородатым и рогатым козлом, изначально наотрез отказался от данного пассажира, но затем, ввиду слез старушки и народного заступничества, сменил гнев на милость.

Баба Анна, получив согласие, скромно, но с достоинством уселась на сиденье, предварительно запихав под него козла. Козёл вёл себя вполне прилично. Он тут же уснул, и если бы не амбре, струящееся из-под сиденья, о нём бы скоро забыли.

Да, видно, день такой выдался, что забыть не удалось. По пути к шахте автобус ещё несколько остановок сделал и пассажирами окончательно заполнился. За бабой Анной уселся не кто иной, как отец Стефан, настоятель посёлка городского типа и окрестных деревень. Батюшка направлялся на шахту выпрашивать очередную шефскую помощь, поэтому был не в своем обычном рабочем, выцветшем на солнце подрыснике, а в недавно приобретённой рясе, на которой красовался новый, золотом блестящий наперсный крест.

С отцом Стефаном уважительно здоровались, а некоторые, увидев рясу с крестом, и крестились, чем несказанно смущали батюшку. Это смущение он относил к своей пастырской недоработке: не объяснил людям, что, видя священника, крестом себя осенять не надобно – он не икона и далеко не образец святости.

Автобус, произведённый во времена развитого социализма, на многочисленных дорожных ухабах тархтел всеми своими составными частями и к пункту назначения ехал долго. Пассажиры, как обычно, рассуждали о дороговизне, никчёмных местных руководителях и непутёвой молодёжи, причём говорили громко, с желанием, чтобы и попутчик-священник в разговор вступил.

Отец Стефан решил помолчать и ограничиться вздохами и сочувственным видом. Не будешь же в автобусе нравственным богословием заниматься, да ещё таким, при котором обязательно кого-то осудить надо и чьё-то мнение поддержать. Агрессивное миссионерство в нынешние планы батюшки никак не входило, тем более что в кабинеты ему сегодня стучаться, где эти самые молодые руководители сидят; без них зимой в храме топить будет нечем.

Вовремя вспомнилось священнику, что в кармане подрясника книжца недочитанная лежит. Её и раскрыл...

Автобусные диалоги отошли в сторону, дорожные ухабы стали мягче, и даже грохочущие миноры умирающих рессор не резали слух. Священник погрузился в интересное, доброе и размеренное повествование о византийских древностях и богобоязненных подвижниках. Как на вечерне «Свете тихий» утихомиривает пришедший на службу народ, создаёт иную, отмирную реальность, так и книга увела отца Стефана из душного полуразбитого автобуса в другое время, где начальство благочестивое, молодежь послушная, и вопрос цен никого не волнует.

Вот только стал донимать батюшку запах странный. Не-человеческий. Стойкий и крайне неприятный. Если бы в книге рассказывалось об адских муках или гоголевских рогатых сущностях, то отец Стефан и не удивился бы, но тут ведь всё о мудрости старцев да о помощи святых говорится. Откуда же такие ассоциации?

Батюшка огляделся. Впереди в чистеньких платочках сидели две старушки, которых он прекрасно знал, сбоку и сзади расположились едущие на работу горняки, от которых до работы подобным ароматом никак пахнуть не может. Источник устойчивого запаха, однозначно и четко определяющегося как адский, не обнаружился. «Странно», – подумал священник и попытался опять уйти в мир книжный. Не удалось.

Один из сидевших сзади шахтёров, поняв, что отец Стефан не сообразит, откуда идут волны неприятного содержания, громко произнёс, указывая под сиденье:

– Батюшка, козёл!

Отец Стефан слова услышал, а указующий перст увидеть никак не мог, поэтому утверждение преобразовал в определение. Ошарашенно и растерянно задумался и не нашёл ничего лучшего, как повернуться и спросить у горняка:

– Почему козёл?

– Так к козе везут, – разъярил шахтёр, чем ввёл отца Стефана в окончательный ступор.

Первое, что пришло в голову, это форма собственной бороды, которая в начальные дни священства действительно походила на козлиную. Но ведь сейчас, по прошествии почти десятка лет настоятельства, его облик украшала ухоженная профессорская борода, никак не сопоставимая с этой тварью.

Пока соображал, как же выходить из данной ситуации, как ответить на незаслуженное оскорбление, впереди встрепенулась баба Анна. Повернулась к священнику и старушечьим фальцетом выдала на весь автобус.

– Батюшка! Козёл наш. Воняет!

Отец Стефан замер огорошено. Он потерял дар речи. Опустил голову и... с ужасом вскрикнул. Из-под сиденья смиренно и уныло на него смотрела философским взглядом бородатая и рогатая козлиная морда...

г. Ровеньки, ЛНР